

Skleněný
mustek
2015

Анжелика Габриелян

МЕСТО РОЖДЕНИЯ:

Город Яаку

Анжелика Габриелян

**МЕСТО
РОЖДЕНИЯ:
ГОРОД БАКУ**

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Сборник состоит из рассказов и миниатюр о жизни армянской семьи в Баку, Армении и России; о судьбах других окружающих эту семью людей. Развал Советского Союза и многие другие события, с ним связанные, нашли своё отражение в книге.

© Анжелика Габриелян 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-041-2

Содержание

Сон

Первые друзья

Соседи

Красное и чёрное

Первый

Качели

Во дворе

Брежнев и я

Лужи

Карманы

Память

Баран

Воробей

Друг по переписке

В лагере

Ветер

Про болезни

Музыка

В классе

Про математику

Учителя

Место рождения: город Баку

Давным-давно

Уроки азербайджанского

Остров

Нарек

Алёна

Книги

Сёстры

Дианка

Любка

Фабрика

Вовка

Арпинэ

Прогулка

Ленинград

Гимназия

В парке

Малыш

Об интеллигентности

Певунья

Стамбул
Уроки русского
В церкви
В семье
Про имена
Два рассказа
Городок
Детство
Ёлка
Ночью
Посуда
Сказка
Аревик
Корни
Про еду
Здесь, под небом чужим...
О тѣзках
Перед зеркалом

Сон

Меня зовут Кристина. Мне пять лет, и у меня короткие косички с бантиками. Я хожу в детский сад и учусь читать.

Я живу с мамой и папой на острове. От острова проложена дамба – по ней мы ездим в город к бабушке и дедушке. Под дамбой лежат плиты – на них ходят купаться и загорать. Во время шторма на плиты выбрасывает из моря тюленей. Я один раз уже видела тюленя. Он был мёртвый, и над ним летали мухи.

А во дворе у нас есть бассейн, он очень большой и глубокий. В бассейн накачана морская вода, и он накрыт решёткой. В бассейне плавают рыбки – крохотные мальки. Мальчишки ловят мальков на нитки и в банках уносят домой.

С одного конца решётки прутья оторваны, и там можно пускать кораблики – мы делаем их из пенопласта, когда кто-нибудь покупает телевизор и выбрасывает коробку, не донеся до свалки.

Мне редко удаётся взобраться на решётку: из окна за мной следит мама и не разрешает подходить к бассейну. Иногда кто-нибудь из детей проваливается в бассейн и начинает тонуть. Тогда со скамеек вскакивают бабушки и бегут спасать ребёнка. Бабушки старые и жалуются на здоровье, но, когда тонут дети, они бегут очень быстро. У нас во дворе ещё никто не утонул.

Самая вредная из бабушек – Маруся. Она не разрешает мне и моим друзьям играть около подъезда. Маруську не любят ни взрослые, ни дети. Поэтому другим бабушкам нравится, когда мы поём: «Где же ты, Маруся, с кем же ты гуляешь? Одного целуешь, а меня кусаешь!» Маруся обижается, начинает ругаться и жаловаться нашим родителям.

Маруся живёт на первом этаже, а под окнами у неё палисадник. В палисаднике растут ежевика и виноград. Ежевичные заросли свисают с забора, и мы едим ежевику со двора, а виноград вьётся по стенке вверх, и его трудно достать. Когда Маруся уходит на пляж, бабушки подсаживают мальчишек на трубу, откуда можно собрать виноград. Маруся возвращается с пляжа медленно. На носу у неё очки, в одной руке – зонтик, поднятый над головой, а в другой – сумка. Собрав виноград и увидев Ма-

руську, мы убегаем.

Рядом с нашим домом детский сад. Во дворе садика растут тутовые и финиковые деревья. Тут мы едим незрелым, кислым и очень грязным, а финики (примечание: речь идёт о диких маслинах) – коричневыми с белой пыльцой. Финики есть трудно: они застревают в горле, и от этого начинаешь задыхаться.

В детском саду есть пожарная лестница. По ней можно подняться на второй этаж. Ступеньки у лестницы узкие, а расстояние между ними большое. Я боюсь подниматься по лестнице, но мне стыдно признаться, и я иду вместе со всеми. На втором этаже можно посмотреть через балконное стекло и увидеть кровати, детские стульчики и игрушки – точно такие, как у нас: мы с Аней ходим в другой садик. На лестницу мы поднимаемся с мальчишками или совсем маленькими детьми – двух-трёх лет.

Самое страшное в детском саду – это прыгать с крыши беседки. Прыгнуть нужно в середину песочницы. Прыгают с крыши только самые смелые и хулиганистые мальчишки.

Мальчишки гоняют по кварталу колёса разных размеров, вручную и на длинных спицах, и громко кричат: «Гей-гей-гей, гали-гали!»

Квартал у нас большой. Здесь есть магазин, помещение для свадеб и огорода, детская площадка и ещё один бассейн – его не достроили и засыпали песком, там воняет и нельзя играть.

В начале свадьбы привозят невесту и бросают конфеты с монетками. Мы смотрим на невесту, собираем конфеты и деньги и уходим. Дальше неинтересно: взрослые начинают есть и танцевать. Свадебная музыка допоздна слышна во всём квартале.

У нас на острове плохая вода: её неприятно пить, и от неё темнеет ванна. Поэтому к нам во двор приезжает машина с водой. Вода называется шалларской. Она вкусная, её можно не кипятить и пить много. Когда привозят воду, взрослые с вёдрами и чайниками выходят во двор.

А ещё у нас во дворе есть машина с молоком. Её водитель живёт в нашем доме. Из крана машины на асфальт капает молоко, его слизывают собаки и кошки.

Мне нравится наш двор и квартал. Я люблю своих друзей и остров, где мы живём. Я не хочу, как другие дети, жить в городе и никогда отсюда не уеду. Мои мама и папа об этом знают.

...Я молча слушаю девочку. Я давно уже её не вспоминаю и не отождествляю с собой. Не помню, что она чувствовала, и не понимаю её радостей. Не понимаю её любви к острову – захолустному посёлку, который через десяток-другой лет придёт в полный упадок. Не понимаю интереса к бассейну – пожарному чану с тёмной стоячей водой, которая летом становится рассадником комариных стай, из-за чего все взрослые и дети квартала ходят покусанными и расчёсанными. Меня удивляет её любовь к чужим ягодам – кислым и грязным. Я не помню её радости от поездок в город и не знаю, что рассказать девочке в ответ.

Может, о том, что остров станет опасным для жизни девочки, её родителей и многих других людей? Или о том, что в городе, где живут её бабушка с дедушкой, будет литься кровь? О городах, где ей предстоит жить? О людях, которых она будет любить и ненавидеть? Или о её ровесниках, которым предстоит погибнуть в Чечне и Карабахе?!..

Мне нечего сказать девочке: ей всего пять лет. Я смотрю на её косички – они такие смешные и маленькие! Им предстоит вырасти и быть отрезанными. Любовь к острову сменится любовью к горам и горной природе. Девочка будет делать много ошибок и сильно ушибаться. Я ничем не могу ей помочь и спокойно и равнодушно её отпускаю.

Первые друзья

Аню и Диму я помнила столько же, сколько себя и родителей. Друзья были в моей жизни всегда.

Мы жили в одном доме, в соседних подъездах. А разница в возрасте исчислялась у нас месяцами. Я была самой старшей, Дима – самым младшим.

Одно из ранних детских воспоминаний – о том, как баба Катя, взяв меня и Диму за руки, ведёт нас в другой конец квартала: смо-

треть пожар.

Баба Катя была низенькой, сутулой, ходила небыстро и носила белый платочек, как настоящая русская деревенская бабушка. Голос у неё был грудной и немного надтреснутый. Баба Катя очень сильно напоминала грибок из советских мультиков, снятых на темы русских народных сказок. Доброта и сердечность у «грибка» были неподдельными, настоящими, но внешность «старушки-божьего одуванчика» обманчива. Баба Катя была хитрой, себе на уме и обладала стойким пристрастием к выпивке. Выпить в их большой и дружной семье любили – выпить и ещё спеть. Песню «Ой, мороз, мороз!» я знала с малолетства: Димка жил на втором этаже, и, когда у них дома собирались все его дяди с семьями, пение было громким и долгим. Не вписывалась в это семейство только тётя Влада – Димкина мама. Армейскую службу дядя Толя проходил в российской глубинке, откуда и привёз свою тихую миловидную жену. «Она у нас прямо как нерусская: ни выпить, ни спеть не может», – жаловались соседям на сноху свёкры. Невестка выговаривала тем же соседям: «Да разве мой отец и братья себе такое позволят – пить, выпивать, напиваться?!» Тётя Влада была родом из глубоко верующей сектантской семьи.

Доброту, улыбочивость, обаяние Димка унаследовал от обеих, не ладящих меж собой, ветвей. Загорелый светловолосый мальчик был всегда рядом – первые четырнадцать лет моей жизни.

Аня тоже была наследницей душевных качеств своих близких – матери и бабушки. Милые улыбки и гостеприимство в этом семействе уживались с любовью к сплетням и коварству. Придерживать свои языки при ребёнке обе женщины не считали нужным. Аня от них не отставала: всё услышанное дома пересказывалось во дворе. Зачастую причиной дворовых детских ссор и слёз бывала моя подружка – её длинный язык и чрезмерная, не по возрасту, осведомлённость о семейных делах жителей нашего квартала.

Нам было ещё далеко до школы, когда у Димки родилась сестрёнка – Оксана. Она появлялась в нашей дворовой жизни постепенно, год за годом занимая всё больше места в наших отношениях и играх. Первым воспоминанием, связанным с Оксаной,

была высокая красная коляска. Интерес к содержимому коляски у меня, видимо, ещё не было, и лежащего в коляске младенца я совершенно не помню. Вторая коляска – низкая и сидячая – прошла через мои руки. Не уверена, что мне удалось в ней прокатиться, но хорошо помню, как гоняла эту коляску по двору с сидящим в ней Димкой, довольным и улыбающимся.

Начавшую ходить Оксану выводили перед сном во двор. В это же самое время загоняли Димку – ужинать и спать. Перед уходом домой я подходила к скамейкам, где сидели бабушки, – поиграть с Оксаночкой.

Едва научившись более-менее говорить, Оксанка начала принимать участие в наших играх – практически на равных, без поблажек, с нередкими слезами обид.

Моя мама довольно быстро заметила пристрастное отношение бабы Кати к внукам и не удержалась от вопроса: «Вам Димка больше по душе?» Ответ был более чем неожиданным: «Да нет, Оксанку я тоже люблю, просто не могу понять: зачем русскому ребёнку дали армянское имя?!»

Улыбчивость и весёлость были одинаково присущи брату с сестрой. Но если Димкина улыбка сочеталась с простодушием, то в глазах Оксаны с малолетства чувствовалось лукавство. Маленькой Оксана никогда не врала, не жульничала в играх, не была двуличной в отношениях, но с первого же взгляда на эту девчонку было ясно, что она – хитрюга. К десяти-одиннадцати годам Оксана стала шустрой, изворотливой, проворной. Самым любимым занятием у них с Алёнкой был делёж «женихов» – одноклассников. Детская пухловатость Оксаны сменилась изящной худощавостью; большие тёмные глаза с густыми чёрными бровями и ресницами сочетались с копной чудесных светлых волос. Девчонка выросла в настоящую бестию.

Очень смыслёная от природы и привыкшая с ранних лет к играм со старшими, во дворе с одноклассниками Оксана играла нечасто. Она тянулась за нами, старшими, и в то же время слегка тормозила наше взросление. Именно из-за Оксаны, бегавшей за мной как хвостик, я до четырнадцати лет играла в куклы – нео-

хотно, уступая, с угасающим интересом, но играла.

Нечастые поблажки, как самой младшей, компенсировались бОльшим количеством наносимых нами обид. Поступление Оксаны в первый класс оказалось сопряжённым с какой-то бюрократической волокитой, и на занятия она пошла не первого сентября, а на неделю позже. Я хорошо запомнила, как тридцать первого августа мы с Димкой довели бедную девчонку до слёз, издевательски смеясь и ехидничая: «А тебя в школу не берут! Дурочкой останешься!» Через год-другой произошёл следующий инцидент. Я, Аня и Оксана сидели у меня дома – на кухне за столом с солонкой, заполненной солью и ложечкой. Не знаю, что надоумило Оксанку, но неожиданно она сказала: «А я могу полную ложечку соли съесть! Без ничего!» Две двенадцатилетние дылды среагировали мгновенно: «Давай! Показывай!» Отпаивать водой и успокаивать Оксанку нам пришлось довольно долго.

До школы во дворе я, Аня и Дима играли всегда вместе. В школу мы пошли в один год: я и Аня – в первый класс, Димка – в нулёвку. Втроём мы играли теперь только в чьей-нибудь квартире, а во дворе встречались лишь в совместных играх мальчишечьей и девчачьей компаний. «В шесть лет я познакомился с друзьями и научился ругаться», – любил вспоминать тот рубеж Димка.

На летних каникулах, как правило, мы собирались у меня. В семьях Ани и Димы работали посменно и дома всегда кто-то был. Мои родители возвращались с работы в шестом часу вечера, а до этого времени нам никто не мешал. Димка обычно располагался на диване, со словами «Это мой сыночек» усаживал рядом с собой моего любимого мишку – рыжего, красивого, в синей жилетке – и погружался в один из моих конструкторов. В наших девчоночьих играх участия он почти не принимал. Иногда я вытаскивала из кладовки сгущёнку. Сгущёнка вскрывалась, разливалась по игрушечным чашкам-тарелкам. Кое-что съедалось с хлебом, остальное так и оставалось размазанным по посудке. Все вместе мы носились по квартире, бренчали под моим руководством на пианино и кричали с балкона глупые песни. С приходом родителей всё быстро убиралось, и мы убежали во двор: Димка мчался в

другой конец квартала к своим приятелям, мы с Аней чаще всего играли рядом с домом.

К постоянному костяку дворовой компании относились ещё несколько мальчишек и две Оксанкины ровесницы. Мы все жили в двух первых подъездах здания.

Двор, переходивший в квартал, был огромным, и к нам в разные годы присоединялись мальчишки и девчонки, жившие в разных концах квартала и за его пределами.

...Светка жила в нашем доме недолго и ходила в одну детсадовскую группу со мной и Аней. Её родители снимали квартиру и получили своё жильё перед нашим поступлением в школу. Недолгий период Светкиного соседства запомнился диафильмами, которые нам показывал её высокий молчаливый отец, и кружкой воды, которую заболтавшаяся Светка опрокинула на себя. Образ смеющейся и залитой водой девчонки запал в наши души и вспоминался нами на протяжении следующих нескольких лет.

...О Ларисе мне запомнилось совсем немного: её облик светленькой девочки, напоминавший Пеппи Длинный Чулок, и один эпизод. Заплаканная Лариска в моём сопровождении шла на автобусную остановку – встречать маму. Почти не обращая на меня внимания, Лариска непрерывно говорила: жаловалась матери и угрожала отцу, чем-то обидевшему дочь.

...Хитрая врунишка Полина иногда водила нас к своей бабушке, жившей через дорогу в финском доме. Окружённый собственным двором и садом домик обладал притягательной силой для детей, росших в пятиэтажном каменном здании. Напуганная лаем посаженного на цепь пса, я свалилась в таз со стиркой. Происшествие очень насмешило моих друзей и долго ими вспоминалось.

...Нигяра была похожа на вольный ветер, как и остальные представители её многочисленного семейства. Младшие дети росли вместе со старшими внуками, росли как трава. Не всегда сытые и хорошо одетые, с криком они выбегали во двор, носились, были заводилами в играх... Иногда холодной бакинской зимой, бесснежной и ветреной, во двор ненадолго выбегал легко одетый ребёнок многодетного семейства. Тепло укутавшиеся в

шерстяные платки и шубы бабушки любили комментировать демонстрируемый метод воспитания: «Вот так дети и закаливаются! И ничем у них не болеют!»

...Сабина была похожа на настоящий мультик: высокая, с удивительно стройными ножками, смуглая, как Чунга-Чанга, с вьющимися мелкой стружкой каштановыми волосами и родинкой посередине лба. Эта самая родинка – размером с горошину – определяла всё: где бы ни появлялась Сабина, ей тут же давали прозвища «индианка», «индуска», «индийка». Обзыванье и дразнилки на Сабину совершенно не действовали: голову она держала высоко и улыбалась от всей души. У симпатичной и обаятельной девчонки в запасе была хорошая порция вредности и коварства. А ещё её почти всегда сопровождали младшие сёстры-погодки: белокурая Ванда и смугленькая Эльнара. Хорошенькие девчушки были похожи на злых овчарок: хамить обе начинали на ровном месте, очень резко и базарно.

...С Димкой Вторым однажды зимним воскресным днём мы с удовольствием вывалились в «снегу»: за ночь тончайший слой снега покрыл землю, к полудню успев растаять почти везде. Мы с Димкой углядели один чудесный уголок: яркая зелёная травка была покрыта слоем рыхловатого тающего снега, полульда. Домой я явилась в пальто с жуткими тёмно-зелёными разводами. До самого вечера мама оттирала пальто.

...Нежного и красивого мальчика звали Зауром. Яркая внешность и опека взрослых не сделали из него, как сейчас принято говорить, «ботаника». Несмотря на воспитанность, Заур был бойким и общительным ребёнком. Во дворе он чаще всего гулял под присмотром бабушки или старших сестёр. Саида и Тамила были на несколько лет старше меня. Красивые, видные, характерные и темпераментные, совершенно разные девчонки вызывали у меня восхищение в течение всего детства... С приходом Заура у нас возникли неожиданные проблемы: Кямаля отказалась участвовать в играх: ей, росшей с братьями, не разрешали играть с мальчиками. Мы, старшие, пришли в замешательство: любой выбор был сопряжён с обидой. Младшие сами решили проблему: сначала Заур

уступил Кямале, но она не приняла этой уступки и ушла домой.

...Мальчики и девочки, старшие, младшие и ровесники, гостившие в квартале и жившие в нём постоянно... целая вереница детей прошла через наш двор и наше детство.

Соседи

Марго родилась на шесть лет раньше меня. В раннем детстве Марго была очень раскованной. Она любила заходить к моим родителям, когда они возвращались с работы. Марго проходила к нам на кухню, усаживалась за стол и спрашивала:

– Ну что, когда мы будем ужинать?!

В три-четыре года я садилась в коридоре на табуретку, складывала руки на коленях, как нас учили в садике, и ждала Марго – ждала, когда она придёт и поиграет со мной. Долго ждать у меня не получалось, и я возвращалась к своим игрушкам или шла во двор. Усердная учёба, музыкальная школа и кружки, подружки, жившие не в нашем дворе, занимали у Марго всё её время – время, причитавшееся мне.

Марго не всегда приходила вовремя, и родители будили меня, уже заснувшую, – так сильно я её ждала.

Соседская девочка, совершенно не годившаяся мне по возрасту в подружки, была частью моего детства. Марго не была идеальной: за ляпсусы и чрезмерную инициативность ей часто делали замечания. Но мне она запомнилась серьёзной, рассудительной и всё на свете понимающей, начиная с кукол и их одежды.

В музыкальную школу я пошла с подачи Марго: она сама там училась и разрешала мне «поиграть» на своём пианино. Синий толстый том сонат Бетховена к окончанию музыкальной школы тоже достался мне от Марго. Именно этот том и усадил меня через много лет опять за инструмент.

Мы жили через стенку, и по воскресным утрам наши мамы, занимая что-нибудь друг у друга, нередко увлекались разговором прямо на порогах квартир. К дверям мы с Марго бежали в ночнушках и тапках на босу ногу. Болтать и слушать краем уха взрос-

лый разговор нам не особо мешали. Услышав шаги на лестнице, Марго пряталась за дверь.

– Ну и что, я тоже в ночнушке! – удивлялась я.

– Тебе можно! Ты ещё маленькая! – следовал обычно ответ.

Самые долгие и подробные разговоры наши мамы вели по вечерам в одной из квартир. А о самом интересном и для наших ушей не предназначенном они говорили не по-русски. Запас армянских слов у нас обеих был крайне скуден. С азербайджанским за счёт «изучения» в школе дела обстояли немного лучше, но понять разговор ни на одном из этих языков нам обоим было не по силам. Избытком любопытства, и немало, страдала Марго. Но я была младше и потому открыто заявляла:

– Да говорите же вы по-русски! Я ничего не понимаю!

Воспитательный процесс моя мама заканчивала позже, уже дома, один на один.

Я не помню Марго играющей в нашем дворе: все её подружки жили через дорогу, в финских домах. Но мне запомнилась одна из её попыток подружиться с соседскими сверстниками. В одном из подъездов жила многодетная семья. Младшие дети росли вместе со старшими внуками. Мальчишки и девчонки выбегали во двор с криком и легко одетыми. Они росли как трава. Тётя Карина возвращалась с работы в шестом часу вечера, а до тех пор Марго хозяйничала дома самостоятельно. Однажды вечером из соседской квартиры раздался крик тёти Карина: в доме не было еды, никакой! Оказывается, днём Марго принимала у себя гостей – младшее поколение многодетного семейства. Гостеприимная Марго предлагала гостям угощение. Гости ни от чего не отказывались. Последними были съедены соль и чеснок, правда, уже без хлеба.

– А у вас больше ничего нет? – спросили перед уходом гости.

– Больше ничего! – ответила обескураженная Марго. Ей показалось, что гости ушли обиженными.

Отношение к себе у Марго было крайне критичным. Она была одинаково недовольна как своей внешностью, так и своим именем.

– Ну, хоть бы что-то во мне человеческое было! – со вздохом

разглядывала она перед зеркалом свой вытянутый носик и недостаточно выразительные черты смуглого лица.

Свои чувства к старшей то ли соседке, то ли подруге я выражала довольно раскованно. Однажды, играя во дворе с ровесниками, я увидела Марго – та возвращалась домой.

– Хулиганочка моя! Иди сюда – я тебя поцелую! – раскинув руки, закричала я на весь двор. Марго подошла и позволила себя поцеловать. Правда, на третий этаж она поднялась расстроенная и в слезах. Через десять минут была моя очередь плакать: меня позвали домой.

Я росла в большем благополучии, чем Марго, и была в себе уверенней. Но бойцом по жизни была Марго. Ей чаще, чем мне, приходилось плакать от обид. Она быстрее училась давать сдачи, отстаивать свои позиции. Вчерашние обидчики приходили к ней домой – приструнённые и присмиревшие.

Увлечений у Марго было больше, чем у меня, а самое главное – они у неё были глубже: первые неудачи её не смущали. Олимпиады по физике и математике, музыка и рисование, ролики и велосипед, фото- и радиокружки запомнились мне именно потому, что много значили для Марго. Записаться в поселковый авиамодельный кружок я так и не решилась: руководитель кружка, молодой парень, слишком уж весело усмехнулся в ответ на мой вопрос. В артековском отряде все девочки записывались на вышивку и макраме, все, кроме нас с Ирой. В авиамодельном кружке других девочек не было. Привезённый из «Артека» планер из реек и кальки пылился на шифоньере до самого отъезда из Баку. Сожаление об авиа- и судомодельном кружках осталось на всю жизнь. Марго в подобных ситуациях не пасовала.

К началу Карабахских событий тётя Карина и Марго уже не жили на острове: они обменяли свою квартиру на городскую. Марго училась в университете. После первых же двоек Марго обратилась с просьбой о переводе в несколько вузов Союза. Свой выбор она остановила на одном из российских университетов.

Первой уехала Марго. В 88-89 гг. продать жильё в Баку было сложно. Тётя Карина нашла через знакомых квартирантов и уе-

хала к дочке. Начинать на новом месте приходилось с нуля: на съёмном жилье, на тяжёлой физической работе, Марго пришлось сдавать большую разницу между программами бакинского и российского вузов. В январе 90-го года квартиранты покинули их бакинское жильё. Часть хозяйских вещей жильцы предварительно вывезли, остальное – разгромили.

– Я должна это видеть! – заявила матери Марго. Остановить дочь тётя Карина не могла: дочь была взрослой, самостоятельной и выносливой. К тому же, в роду у Марго были азербайджанцы. В марте 90-го Марго приехала в Баку. Её встретили отец и подруга. Марго увидела то, ради чего ехала: свой разгромленный дом. Апогеем всей картины была осквернённая школьная виньетка Марго.

Через пару лет мы увиделись с Марго в Ереване. Она здесь долго не задерживалась и больше не приезжала: не всем родственникам было по вкусу её происхождение полукровки. Наша встреча прошла скомкано и бестолково: я была расстроенной из-за своих проблем. Марго приняла это на свой счёт – она была такой же ранимой, как в детстве. Редкие звонки со временем прекратились. Получив диплом программиста, Марго загорелась идеей получить юридическое образование. Окончив юридический, она начала преподавать в милицейской школе. Увлечение химией само собой сошло на нет: замужество и рождение дочери не оставили места для третьего диплома.

Где-то далеко-далеко, не столько географически, просто совсем в другой жизни, живёт Марго – моя то ли бывшая соседка, то ли старшая подружка, девочка, росшая рядом... Удачи тебе, Марго!

Красное и чёрное

Кукольных мультиков я не любила, а бессловесных – тем более. Этот мультфильм был именно кукольным, к тому же без единого слова. Вряд ли у меня хватило бы терпения досмотреть его до конца, если бы показ был телевизионным в домашних усло-

виях. Но огромный цветной экран кинотеатра несколько менял восприятие, к тому же я, видимо, уже понимала, что встать, взять папу за руку и уйти из зала во время сеанса будет не очень удобно.

...Маленькой девочке достался огромный отрез красного материала. Девочка творила с ним чудеса: лёгким движением руки она превращала его то в платье, то в цветы, целое поле ярких, пламенеющих цветов. С экрана как будто бы лился огонь – красный цвет...

В кино родители водили меня часто. Первый раз они взяли меня с собой на просмотр «Мимино». Мне было два года, и сеанс был вечерним. Оставить ребёнка было не с кем: родственники жили далеко, а рабочий день няньки уже закончился. Сидевшие с краю ряда родители спохватились, увидев, как я направляюсь к экрану – танцуя под музыку.

На острове я ходила в кино чаще всего без родителей – с подружками и с классом. В городе меня водили на детские и взрослые сеансы в центральные кинотеатры. В соседнем с бабушкиным домом кинотеатре на детских сеансах я часто бывала одна – без близких. Кто-то из старших переводил меня через дорогу, покупал билет и доводил до зала. К окончанию сеанса за мной приходили. До начала просмотра я успевала познакомиться с кем-нибудь из ровесников. Мимолётное знакомство ни к чему не обязывало, не налагало никаких ограничений и не грозило разочарованиями: можно было без страха врать о себе и своей жизни. Иногда со мной бывала двоюродная сестра.

По моим ощущениям, сказку о девочке и чудесах с красным материалом я смотрела года в четыре, может, в пять. Кинотеатр находился где-то в центре города, и к началу сеанса мы с папой опоздали. Обилие красного цвета, живого и подвижного, впечатлило и осело в памяти, вспыхивало в сознании на протяжении всего детства, а потом ушло вглубь, как вода, убежавшая в песок, и напомнило о себе позже – маленьким, далёким огоньком. Обрамлением к мультфильму была дверь на входе в кинотеатр – стеклянная с чёрной металлической «оправой». К двери вели две-три ступеньки – вход был слишком скромным для кинотеатра